МУРЗИЛКА

№ 12
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
Декабрь 1957

МАЛЕНЬКОЕ ЯБЛОКО

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

Рикики — гость из Франции

Сегодня у нас в «Мурзилке» гость из Франции — медвежонок Рикики. Маленькие французы хорошо знают и любят его. Вот уже несколько лет в Париже выходит журнал для ребят под названием «Рикики». В нём печатаются весёлые истории в картинках о приключениях этого медвежонка.

Рикики иногда можно увидеть и на страницах «Юманите» — газеты Французской коммунистической партии — в отделе для детей.

Сегодня мы расскажем вам одну из историй, которая приключилась с медвежонком Рикики в канун Нового года.

В канун Нового года Рикики позвал в гости медвежонка Гаэтана, поросёнка Филибера и обезьянку Людо. Они пришли к нему с самого утра. Пока друзья играли в разные игры, мама Медведица готовила им праздничное угощение.

— Я забыла взять из кухни яблоки. Сбегай-ка за ними, сынок, — сказала она Рикики.

Рикики побежал в кухню. На столе стояла большая тарелка с яблоками. Когда Рикики приподнял её, он вдруг услышал чей-то тонкий голосок:

— Не ешь меня, Рикики. Видишь, я маленькое яблоко Не-такое-как-все. Отпусти меня на волю!

Рикики очень удивился. Он взял говорящее яблоко в лапу и стал его разглядывать. Это было очень румяное яблоко с зелёным листиком у черенка.

— Ты ведь добрый, Рикики, — снова сказало яблоко. — Ну, пожалуйста, отпусти меня на волю!

НЕ-ТАКОЕ-КАК-ВСЕ

И Рикики пожалел его. Он отворил двери, и маленькое яблоко тотчас спрыгнуло на землю и побежало в сад.

Довольный собой, Рикики вернулся в комнату, осторожно неся тарелку с фруктами.

— Здесь не хватает одного яблока, — сказала мама Медведица. — Самого румяного, украшенного зелёным листиком. Ты съел его, лакомка Рикики?

— Нет, мама, — ответил Рикики. — Оно попросилось на волю. Ведь это было маленькое яблоко Не-такое-как-все!

Слова Рикики были встречены дружным смехом.

— Говорящее яблоко! Ну и выдумщик!.. — воскликнул Гаэтан. — Сознайся лучше, что ты просто-напросто съел это яблоко.

— Ах, вы мне не верите?! — крикнул Рикики. — Тогда я найду его и докажу вам, что сказал правду!

И прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, Рикики бросился к дверям, натягивая на ходу пальто и варежки.

По дороге он встретил зайца.

— Господин Длинное Ухо! Не пробежало ли мимо вас маленькое румяное яблоко? — спросил Рикики.

— Яблоко пробежало?! Да тебе это, наверно, приснилось! — громко засмеялся господин Длинное Ухо.

Рикики пошёл дальше и встретил старого лесника с длинной белой бородой.

— Румяное яблоко, которое умеет бегать? Нет, такого я не видел, — сказал лесник.

Он не стал смеяться над Рикики, а предложил помочь ему. Ведь он умел читать следы на снегу. Даже самые маленькие следы полевой мыши или похожие на звёздочки следы лапок воробья.

— А вот эти следы мне незнакомы, — сказал лесник и показал своей трубкой на маленькие круглые углубления в снегу.— Пойдем-ка вперёд и поглядим, куда они нас приведут.

Следы привели их к старой хижине. Рикики приоткрыл дверь. Когда его глаза привыкли к темноте, он заметил в углу маленькое яблоко Не-такое-как-все. Оно крепко спало. Видно, решило здесь отдохнуть.

— Маленькое яблоко Не-такое-как-все, проснись! — тихо произнёс Рикики.

И яблоко проснулось.

— Зачем ты убежало так далеко? Пойдём обратно домой. Хоть на минутку... Никто не верит, что ты умеешь говорить, и считают меня лгуном...

Ну и удивились же Гаэтан, Людо и Филибер, когда увидели Рикики, на плече у которого сидело маленькое румяное яблоко!

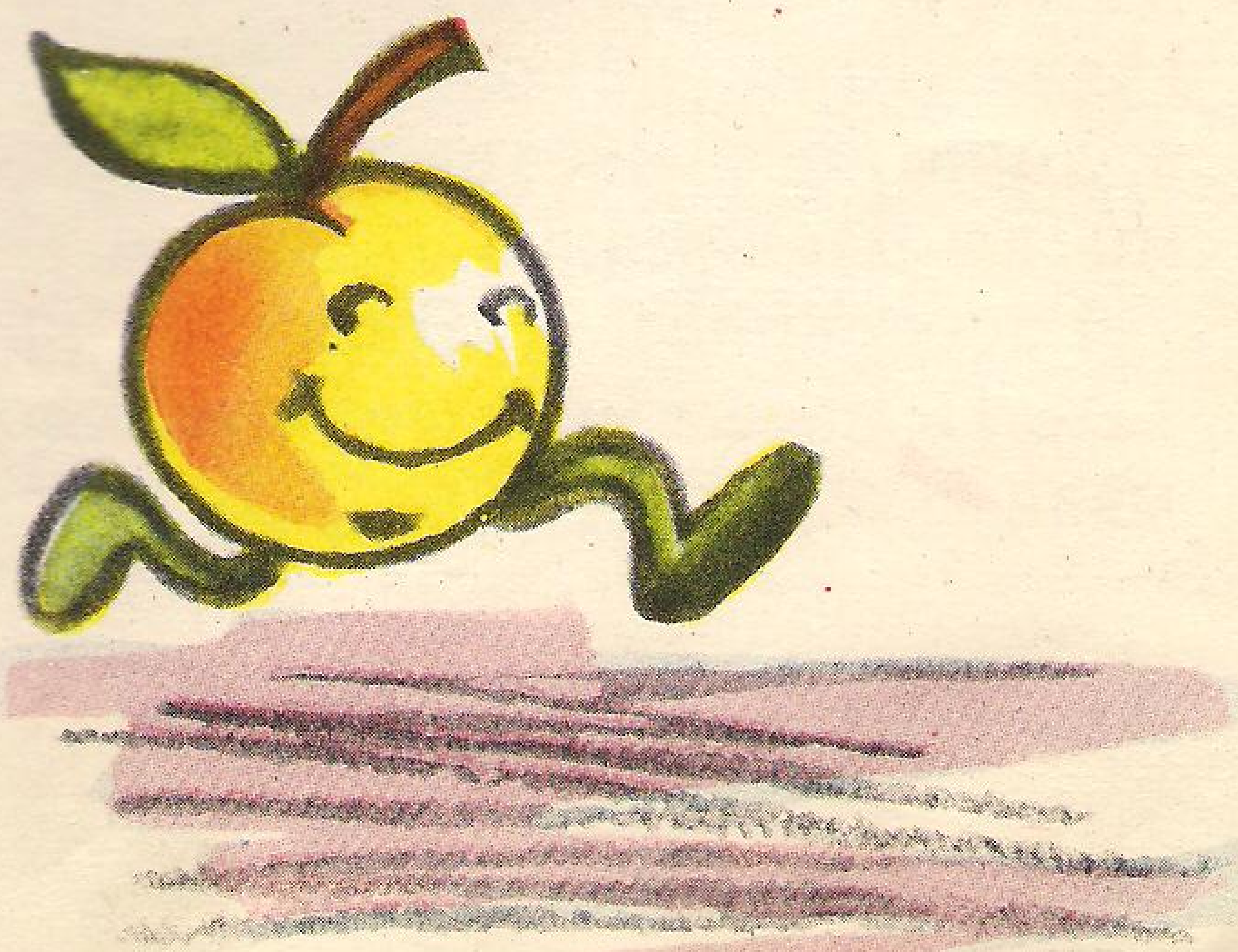
Яблоко сразу прыгнуло на стол и принялось кружиться, кувыркаться и танцевать перед Рикики и его друзьями. А они весело смеялись над его проделками.

Но как только пробило восемь часов, маленькое яблоко Не-такое-как-все снова собралось в путь.

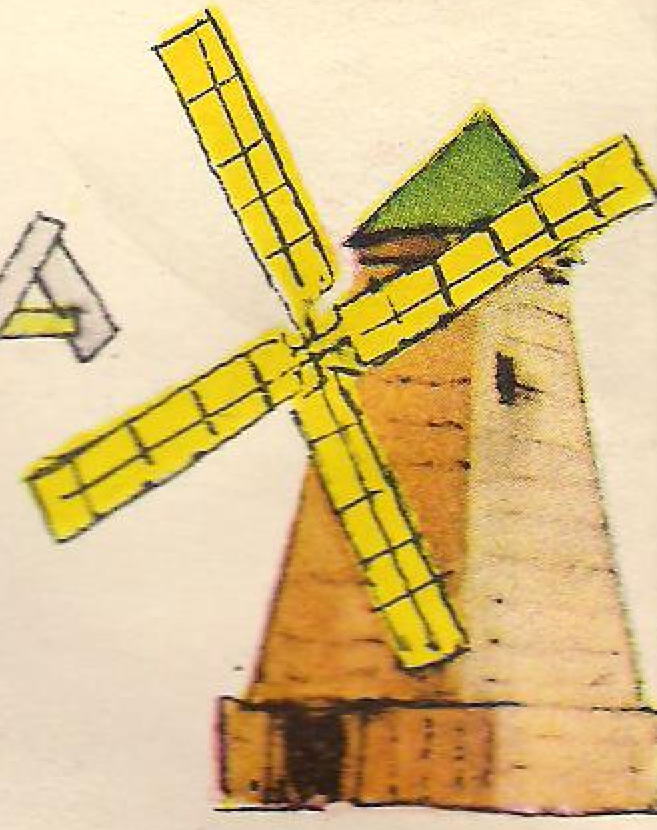
— Пора уходить, — сказало оно. — Новогодний вечер наступил, и меня ждут все яблони нашей округи. Ведь яблони, которые увидят меня до полуночи, обязательно зацветут весной.

И маленькое яблоко Не-такое-как-все исчезло в звёздной ночи, не оставив на этот раз следов на снегу.

Пересказала Е. Жуковская



МЕЛЬНИЦА



А. СОКОЛОВСКИЙ

Выстругал Димка из липы две косые дощечки, сложил крест-накрест, гвоздик посерёдке вбил и приладил к деревянному чурбаку. Получилась мельница. Вышел Димка во двор, поставил её на камень. Налетел ветер, завертелись, зажужжали мельничные крылья.

Увидал Димку соседский Гераська. Побежал он к матери и давай хныкать:

— Мельницу хочу... Мама, купи мне мельницу!..

Хныкал-хныкал и до того матери надоел, что пошла она в магазин и купила Гераське мельницу. Вот красивая была мельница! Крылья жёлтые, крыша — колпачком, зелёная.

Помчался Гераська во двор и гордо поставил свою новую мельницу рядом с Димкиной. Только не смотрит Димка на Гераськину покупку. И самому Гераське кажется, будто чего-то в его мельнице не хватает. То ли крылья вертятся не так шибко, то ли Димкина жужжит веселее.

— Смотри, Димка, — говорит Гераська, — вот какая красивая у меня мельница! Хочешь меняться?

Взглянул Димка и головой покачал. Расстроился Гераська. А тут как раз мать из дому вышла. Бросился к ней Гераська — вот-вот разревётся.

— Плохую ты мне купила мельницу! Видно, у Димки лучше, раз он со мной меняться не хочет.

Услыхал это Димка и усмехнулся.

— Красивая у тебя мельница, Гераська, и новая. Да только мою-то я сам сделал и мне никакой другой не нужно.

ЧТО НУЖНЕЕ?

Захотели Наташа и Галя цветы в саду посадить—анютины глазки, кудрявые левкои, мохнатые маргаритки. Взяла Наташа лопатку. Побежали подружки в сад и стали клумбу вскапывать. Сначала Наташа немного покопала, а потом Галя лопатку взяла. Копнула разок, другой, а лопатка у неё в руках возьми да и сломайся.

Рассердилась Наташа.

—Ты зачем мою лопатку сломала?

—Да ведь я не нарочно, а нечаянно,—сказала Галя.—Давай возьмём вон ту щепку и снова будем копать.

—Не стану я копать!—закричала Наташа.—И дружить с тобой больше не хочу.

Взяла она сломанную лопатку и ушла домой. И стоит в саду голая клумба. Заросла травой. Нет на ней ни анютиных глазок, ни кудрявых левкоев, ни мохнатых маргариток.

Нужная вещь лопатка и в хозяйстве всегда пригодится, а только дружба-то куда нужнее.

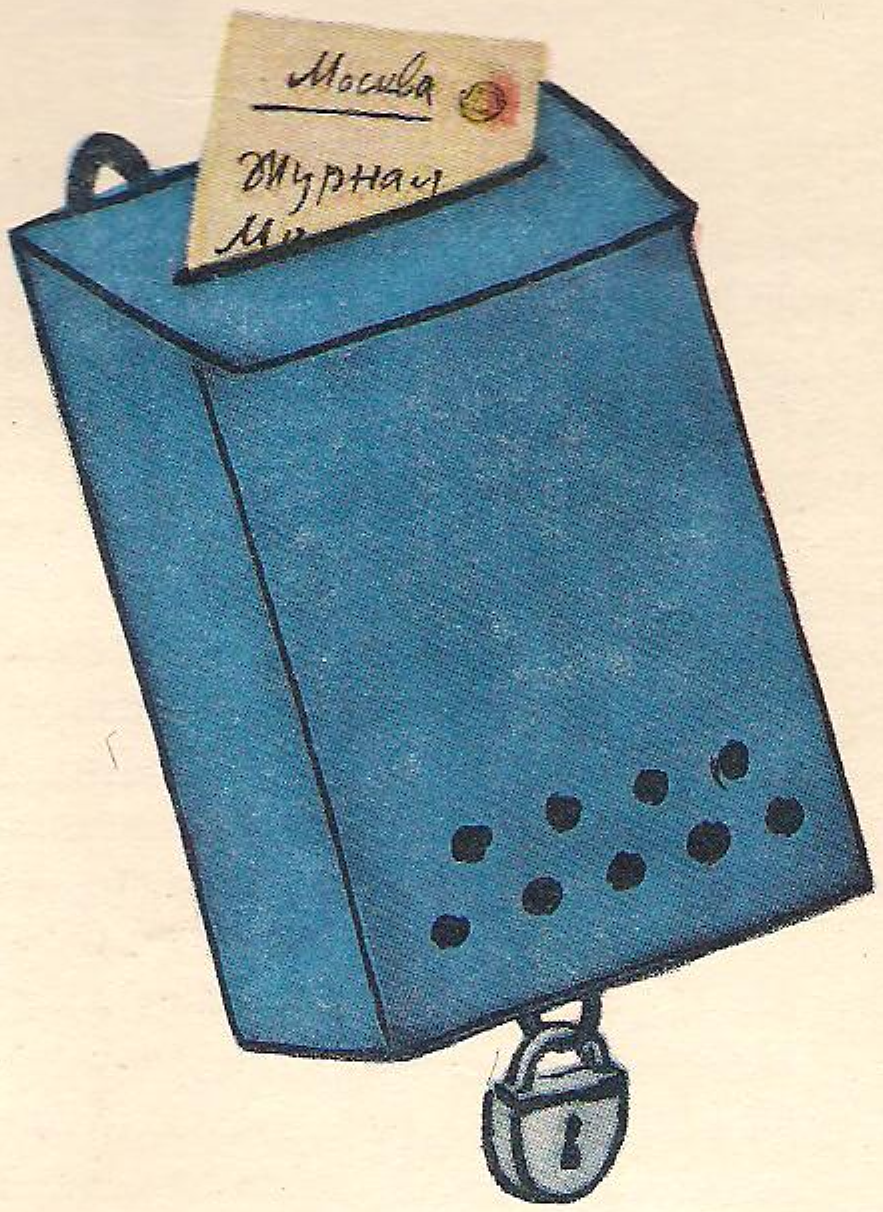
ВАМ ПИСЬМО

Г. ЮРМИН

Рис. Б. КЫШТЫМОВА и Л. ЛАММА

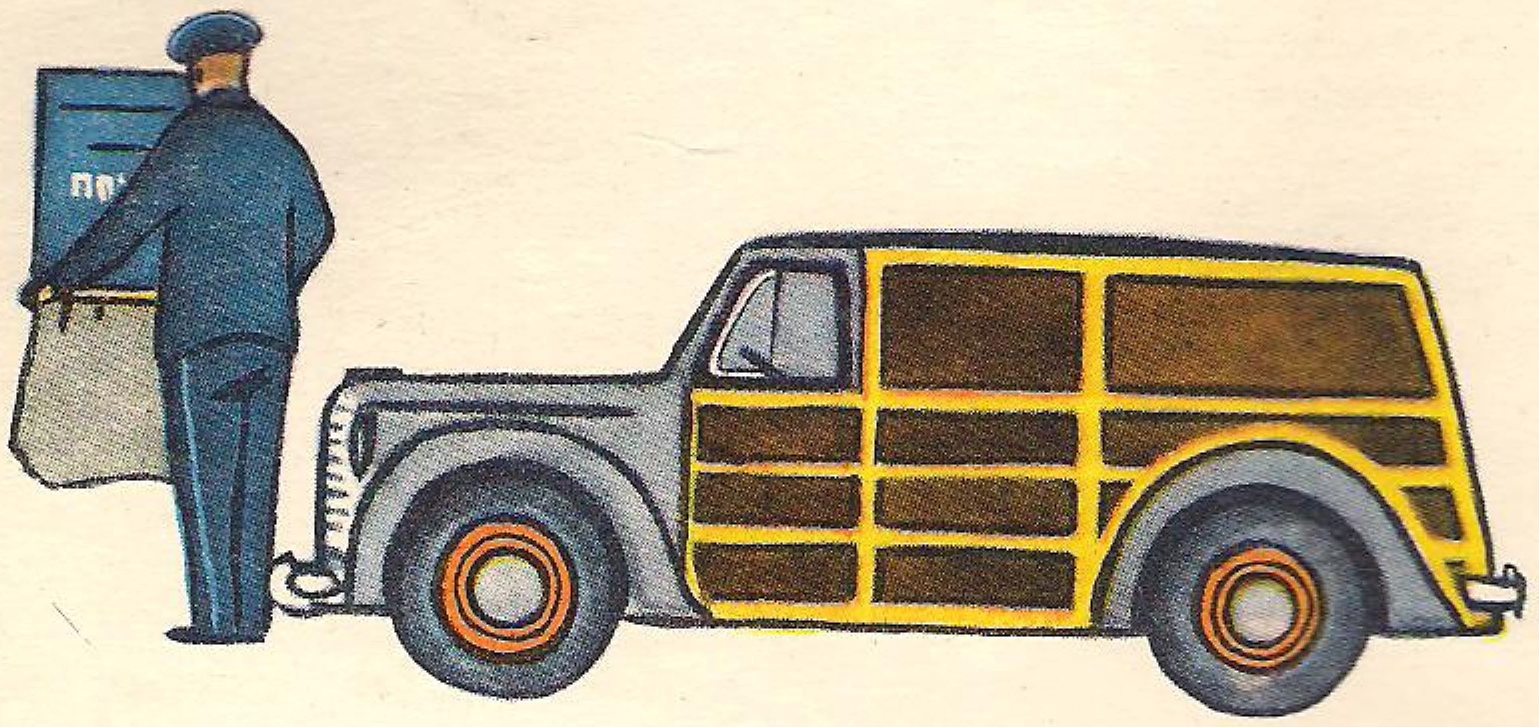
Синий домик у ворот,
Угадай, кто в нём живёт?

Эта загадка старая и, прямо сказать, нетрудная. Ясно, что в синем домике живут письма, вот кто. Это же почтовый ящик. Письма в нём долго не задерживаются. Их путешествие начинается после того, как к синему домику подъезжает юркий «Москвич». Шофёр подходит к ящику, открывает его и пересыпает письма в свой мешок.



На свете есть много разных профессий, и старейшая из них — профессия почтальона. Уже сотни лет назад в древней стране Ассирии были свои почтальоны. Тогда они назывались гонцами, но выполняли гонцы обычную почтальонскую работу: доставляли вести во все концы страны.

И ещё расскажу про одну древнюю-предревнюю почту — эстафетную. Есть такое спортив-



ное состязание — эстафетный бег. Участники одной команды бегунов поровну делят между собой весь путь. Один бежит, а другой ждёт в условленном месте. Встречаясь, они передают друг другу эстафетную палочку и так доносят её в конце концов до финиша. Эстафетная почта похожа на эстафетный бег. Только здесь гонцы передают не палочку, а письмо.

Так же переносило почту индейское племя инков, которое обитало почти тысячу лет назад на земле нынешнего южноамериканского государства Перу. По дорогам через каждые три километра инки расставляли посты, на которых всегда дежурили два гонца. Как получит гонец письмо-эстафету, так летит с ним, словно ветер, к соседнему посту и передаёт его там другому гонцу. А тот дальше бежит. Путь в две тысячи километров почта инков проходила всего за пять дней.

Позже почтальоны стали доставлять почту на лошадях. В России тоже была конная почта. Вдоль дорог располагались станции. На них почтальоны меняли усталых лошадей на отдохнувших и накормленных. Такие станции назывались ямами — от татарского слова «дзям», что значит «дорога». Поэтому кучеров этих ям звали ямщиками. Вихрем мчались по дорогам России удалые ямщицкие тройки. Чтобы доехать от Новгорода до Москвы, требовалось всего двое суток. По тем временам — это небывалая скорость.

В одной книге написано, что по почте пересылали не только письма, но и животных. Порой почтовая контора напоминала зоосад. «Письма» лаяли, мяукали, кукарекали...

Пересылали даже детей. Какому-то английскому рабочему понадобилось срочно отправить в деревню к родителям своего сына. Он взял да и отнёс мальчика на почту. Там этому ни капли не удивились и приняли «живое письмо» по всем почтовым правилам: мальчика усадили в корзину, взвесили и даже марки наклеили.

Представляешь, как была удивлена бабушка, когда из принесённой почтальоном корзины с радостным смехом выскочил её внучек! Правда, про то, что он смеялся, в книге не сказано: это я сам придумал. Может, мальчик, наоборот, плакал. Может, ему было неприятно так долго сидеть в корзине. Думаю, всё-таки хорошо, что теперь детей почтой не шлют. Верно?

Сейчас любое письмо можно опустить в любой почтовый ящик, и оно дойдёт, благо почтовые ящики нынче на каждом шагу. Раньше же чуть ли не для каждого города устанавливался свой ящик. Ящики были московские и рязанские, петербургские и омские.

Работала почта не всегда исправно. Часто письмо долго задерживалось на какой-нибудь промежуточной почтовой станции. Иной раз целые месяцы или даже годы шло письмо.

Бывало и так: письмо благополучно достигало указанного на конверте города и застревало, когда до адресата было рукой подать. Это потому, что почта находилась далеко от жителей посёлка или деревни, а дороги были плохими. Недаром же во Франции почтальоны даже брали с собой на работу ходули. Только на ходулях и можно было преодолеть непролазную грязь.

Как удивились бы наши прадеды, если бы увидели современный почтамт!

Это настоящий город писем. Только город без постоянных жителей. Все жители в нём временные, все спешат поскорее продолжить своё путешествие. Люди, которые работают на

почтамте, не удерживают гостей, а, наоборот, всеми силами стараются их выпроводить.

На почтамте прежде всего интересуются, куда каждый гость держит путь, чтобы составить из писем-попутчиков компанию, рассортировать их и отправить по назначению. Сортируют письма в огромном зале, сплошь уставленном шкафами с небольшими ящичками. На каждом ящичке наклеен ярлычок.

Сначала письма сортируют по направлениям — по ящичкам с надписями: «уральское», «саратовское», «донбасское» и прочие направления, а потом уже по городам и станциям.

Казалось бы, что может быть легче работы сортировщицы: читай адреса и клади письма в ящики. Но вот это-то и есть самое трудное: знать, в какой ящик какое письмо положить. Часто отправители не пишут названия области, а только указывают город. Хорошо, если город всем известен, а если он такой крошечный, что его не на всякой карте найдёшь? Как тогда? Немало хлопот доставляют и города-тёзки.

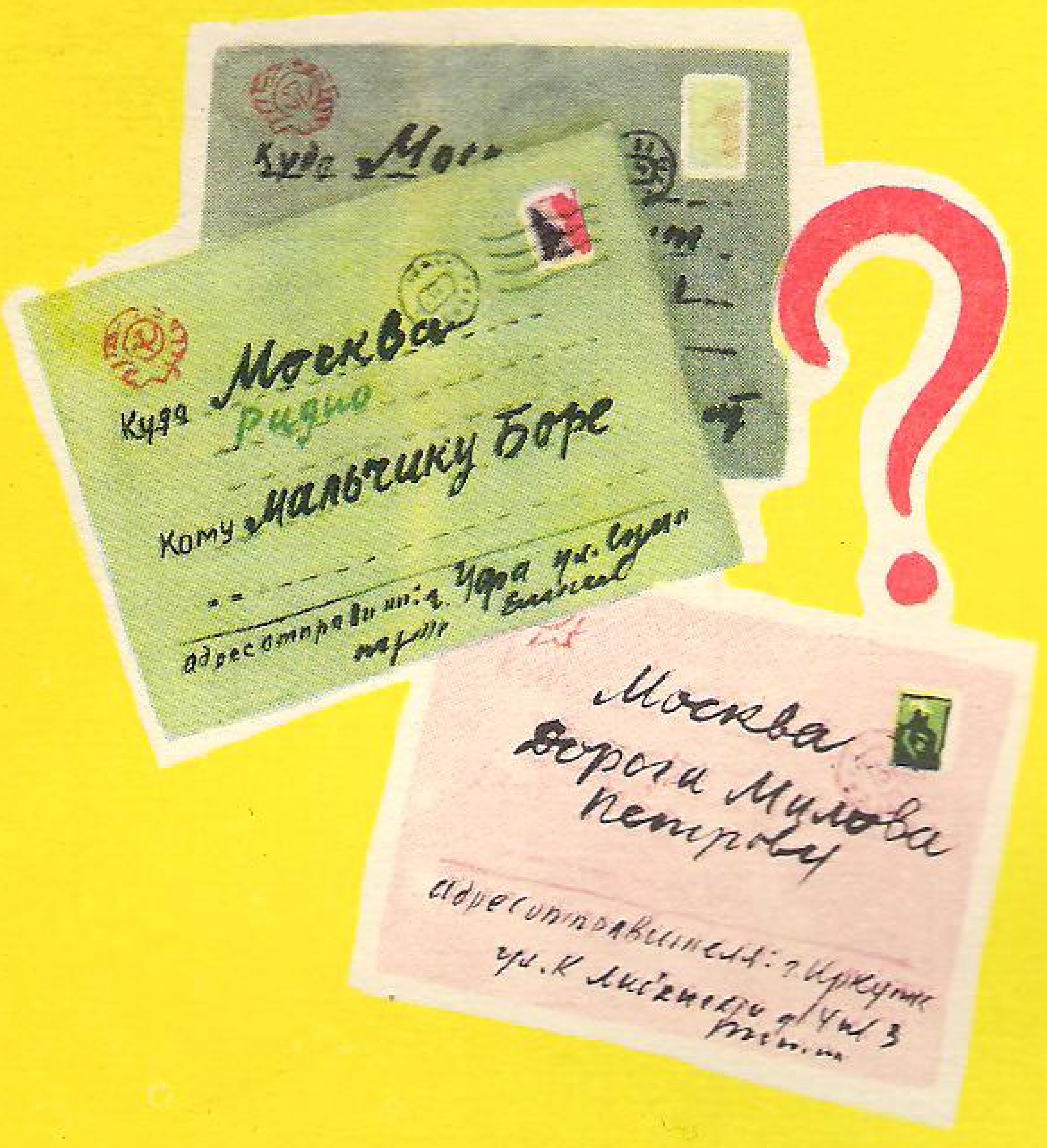
Вот совсем недавно пришло письмо с таким адресом: «Город Петропавловск, директору мясокомбината». В какой Петропавловск отправлять письмо, если на свете два города с таким названием: один на Камчатке, другой в Казахстане?

А бывают письма — ребусы и головоломки.

С ними тоже приходится иметь дело сортировщицам и другим работникам почтамта.

Ванька Жуков, герой рассказа Чехова, написал на конверте своего письма такой адрес: «На деревню дедушке». Вот это и есть письмо-головоломка. Какая деревня? Какой дедушка? — попробуй догадайся. Сейчас, оказывается, тоже есть такие Ваньки Жуковы. Несколько раз на радио приходили письма, на которых было написано: «Москва, мальчику Боре». Наверное, долго ломали себе голову работники почтамта, кто этот таинственный мальчик Боря, пока не сообразили: да ведь так зовут героя радиопередачи «Угадай-ка». Благодаря находчивости работников почтамта письмо нашло своего адресата.

Другое письмо с адресом «Москва, дорога Милова». Опять головоломка. Отродясь не было в Москве такой дороги,



но зато есть Дорогомиловская набережная. И это письмо благополучно закончило своё путешествие.

Если адреса написаны верно, работница быстро рассортирует письма. Потом она вытащит из ящичков компанию писем, едущих в одном направлении, и отправит их дальше.

Начало своего пути письма совершают по резиновой дорожке — конвейеру.

Сейчас в руках у работницы письма, едущие на Урал. Она кладёт их на дорожку и нажимает кнопку уральского направления. Одним таким движением работница приводит дорожку в ход и заодно переводит стрелку. Дело в том, что от самоходной дорожки в стороны отходят тропинки: ленинградская, саратовская, много других тропинок и в том числе уральская. Когда нажата уральская кнопка, поперёк самоходной дорожки, возле самой уральской тропинки, встаёт перегородка. Она заставляет письма свернуть на боковой путь, как раз к той работнице, которая сортирует по городам и станциям письма уральского направления.

Теперь уже письма окончательно рассортированы. Можно их собирать в дальнюю дорогу, упаковывать. Это делает машина-упаковщица. Она связывает целую компанию писем-попутчиков в одну пачку. После этого аккуратные пачки кладут в мешки, спускают по наклонной дорожке в нижний этаж почтамта. Там мешки с письмами кладут на конвейер и отправляют в кузов почтовых автомобилей. Катят письма по городу в собственной машине на вокзал к отходу поезда и занимают свой собственный почтовый вагон. Для каждой пачки писем найдётся в этом вагоне своя полочка.

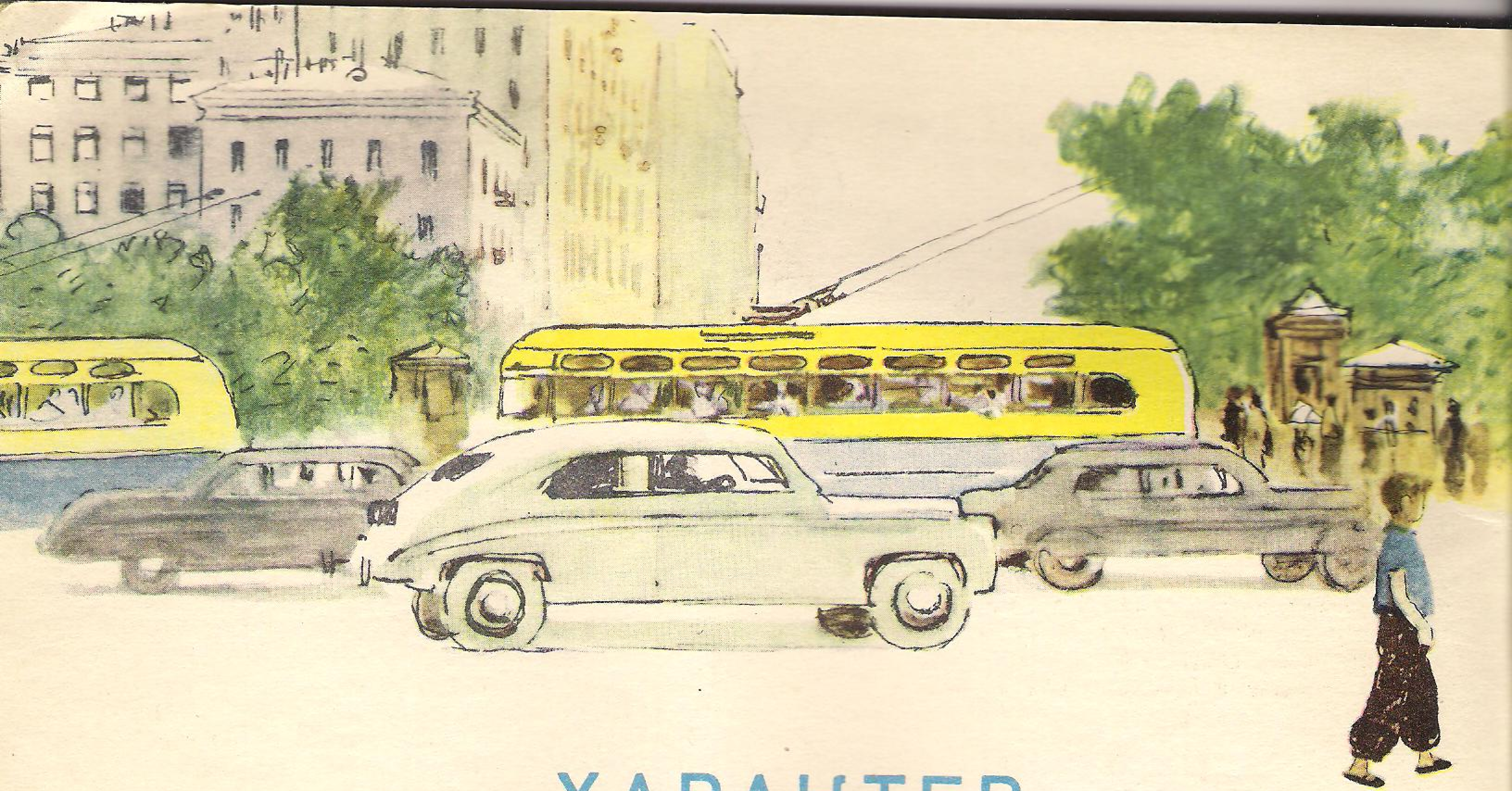
Мчится поезд, пассажиры спокойно спят, а в почтовом вагоне круглые сутки идёт работа. Почтальоны разбирают письма, зорко следят, чтобы ни одно из них не проехало свою станцию, и высаживают прибывших на место бумажных пассажиров.

Проходит ещё немного времени, и человек

С толстой сумкой на ремне,
С цифрой «5» на медной бляшке,
В синей форменной фуражке...

стучится в дверь адресата и говорит:

— Вам письмо!



ХАРАКТЕР

Ю. ЯКОВЛЕВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Солнце.
Асфальт.
Жара.
И так далее.
По тротуару
Шагают
Сандалии.

Принадлежат они
Смуглому малому,
Очень серьёзному,
Очень усталому.

Ноги подкашиваются
С каждым шажком.
Что это, спрашивается,
Идёт он пешком?

Сотни усердных колёс
Пробегающих
Очень охотно подвозят
Желающих

К Пушкинской,
В центр,
На Арбат
И так далее.

Что же упрямо
Шагают
Сандалии?

Тихо шагают
Они по земле.
В чём же здесь дело?
Дело в рубле.

Рубль потерян,
И нету второго.
Нету второго,
Честное слово!

Можно его попросить
У прохожего.
(Выбрать в толпе
Человека хорошего.)

Можно признаться
Кондуктору честно.
Много ли надо
Для малого места?

Тормоз включая
С полного хода,

Звонкий трамвай
Зовёт пешехода.

Взять пассажира
Троллейбус намерен:
Ширмочкой сложены
Светлые двери.

Нет!
Он упрямо идёт стороною.
Губы в пути
Пересохли от зноя.

Всё же шагает
Он по земле.
Дело, конечно,
Не только в рубле.

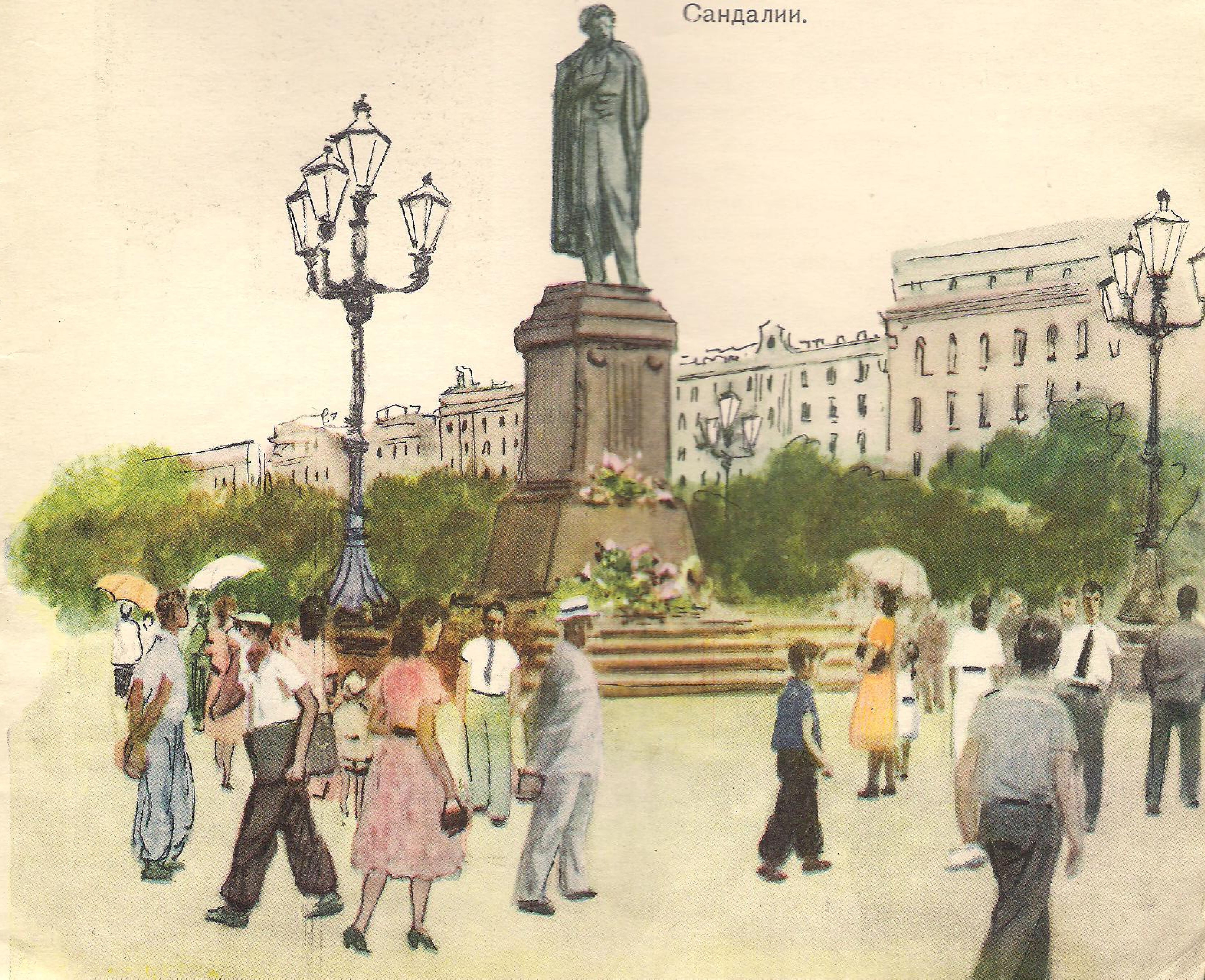
Кружится город.
Слипаются веки.
Гордость большая
Встаёт в человеке.

Воля большая
Встаёт в человеке.
Так он пойдёт
Через горы и реки.

Так поведёт
Самолёт или трактор.
Каждому видно—
Это характер.

Слава тебе, паренёк!
И так далее.

По тротуару
Шагают
Сандалии.



ТИПОГРАФИЮ НАДО ЗАХВАТИТЬ...

ИЗ РАССКАЗОВ О М. В. ФРУНЗЕ

Дм. ПРОКОФЬЕВ *Рис. А. ЛИВАНОВА*

Однажды большевикам из города Шуи потребовалось выпустить много листовок. Надо было воодушевить рабочих. Рассказать, что они не одиноки в своей борьбе, что по всей стране, словно яркие зарницы, вспыхивают революционные волнения.

И вот собрались большевики в маленькой комнатке Гусева, занавесили окно и стали обсуждать, как это сделать.

Конечно, лучше всего отпечатать листовку на типографской машине. Хлопот немного, а всё будет исполнено хорошо и быстро. Но у шуйских большевиков не было своей типографии.

А размножать листовку от руки долго. Ведь надо писать разборчиво, по-печатному: тогда рабочие были малограмотными.

— Нет, — сказал Гусев, — писать от руки не годится. На это много уйдёт времени.

— Верно, — согласились с ним другие большевики. — Ведь листовки нужны сейчас же! Газет рабочие не получают, так хоть из листовки узнают, что делается в других городах.

— Что же делать, Арсений? — обратились они к Фрунзе.

— А вот что, — ответил Михаил Васильевич. — Я предлагаю захватить городскую типографию.

— Да ведь лимоновская типография, Арсений, находится в самом центре города! Там везде стоят полицейские... Они как псы сторожевые!

— Вот и хорошо! — улыбнулся Михаил Васильевич. — Они и нас будут охранять.

— Правильно, — поддержал его Гусев. — Разве полицейские сообразят, что мы решимся на такое дело? Им никогда и в голову не придёт это! А типографы нас поддержат.

В подобных случаях большевики поступали по народной пословице: «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Когда всё обсудили, убедились, что Фрунзе прав. Захватить типографию во время работы можно. Только надо действовать организованно и быстро.

— Так и решим, — сказали большевики. — А руководить всем будут Арсений и Гусев.

Фрунзе был очень дисциплинированным человеком и сразу же ответил:

— Ваше поручение выполним, товарищи.

— А что скажет Гусев?

— Я скажу то же самое, — неторопливо произнёс Гусев: — решение партии для меня закон.

— Тогда начинайте действовать...

В типографии Лимонова работал наборщиком один большевик. Михаил Васильевич побеседовал с ним, узнал, что надо, и дал ему задание приготовить наборные кассы. Это такие специально устроенные ящики, немного похожие на пчелиные соты. Только заполнены они не мёдом, а свинцовыми буквами. В каждой ячейке — своя буква. Стоит наборщик и складывает из них отдельные слова и целые предложения. Его правая рука словно голодная птица. С утра до вечера она клюёт из ящика и никак не может насытиться.

На другой же день наборщик сказал Фрунзе:

— Всё готово, товарищ Арсений.

— Отлично. В пять часов тридцать минут жди нас.

Наборщик удивился.

По минутам рассчитано... Это уж сам

Арсений постарался. Он любит, чтобы всё точно было.

И как только часы пробили половину шестого, дверь в типографии отворилась и вошли Фрунзе с Гусевым. А вслед за ними — несколько боевых дружинников. Они быстро заняли все входы и выходы, чтобы никто не убежал и не сообщил полицейскому, который стоял на посту совсем рядом.

Хозяин типографии Лимонов очень перепугался, когда увидел перед собой вооружённых людей. Но Фрунзе сказал ему:

— Вы можете не беспокоиться. Мы отпечатаем, что нам нужно, и уйдём. Только попрошу от телефона в сторонку...

Лимонов сунул в карман ключи от несгораемого шкафа и отошёл в угол. Он хотел застегнуть сюртук, но пальцы дрожали и никак не могли протолкнуть пуговицу в петлю.

Михаил Васильевич заметил это и сказал:

— Вы не волнуйтесь... и присядьте.

Хозяин типографии послушно сел. Он не понимал, что происходило вокруг него.

Фрунзе поставил к телефону дружинника, приказал:

— Если кто будет звонить, скажи, что хозяина нет. Он куда-то, мол, вышел. Скоро придёт...

— Всё понятно, — ответил дружинник и поглядел, улыбаясь, на перепуганного Лимонова.

Из конторы Михаил Васильевич поспешил в типографию. Там он обратился к рабочим с просьбой отпечатать листовки. Наборщики и печатники охотно согласились. И работа закипела...

В это время к типографии подъехала в легких саночках жена Лимонова. Она оставила лошадь не привязанной и вошла в контору. Думала, что сейчас же вернётся. Она заехала только затем, чтобы сказать мужу, что заказала себе новое платье.

Вошла — и побледнела. Всюду вооружённые люди. Она хотела выбежать обратно. Но стоявший у двери дружинник сказал:

— Выходить нельзя. Оставайтесь здесь.

— Но у меня там лошадь стоит. Я приехала без кучера.

— Ничего, пусть постоит. Ей тоже отдохнуть надо.

Лимонова присела на краешек стула. А когда немного успокоилась, сердито обратилась к мужу:

— Что здесь происходит?

— Не знаю.

— Ты же хозяин типографии...

— Сейчас они хозяева, — показал Лимонов глазами на дружинников. — Помолчи.

Через несколько минут по каким-то делам зашёл священник. Ничего не подозревая, он вынул из кармана большой платок и вытер заиндевелые от мороза усы и бороду. Потом он покряхтел и сказал басом:

— Отменный сегодня морозец. Всё естество стынет...

И вдруг заметил у дружинников наганы. Он смешно заморгал маленькими глазками, плюхнулся на стул и зашептал:

— Свят, свят...

Он хотел что-то спросить у хозяина типографии, но дружинники не разрешили им разговаривать.

— А табачку дозволите понюхать? — спросил священник.

— Это можно. Нюхайте на здоровье...

Лошадь, на которой приехала жена Лимонова, от холода начала переступать ногами, да и взошла на тротуар.

Полицейский увидел это и подумал: «Надо услужить хозяину... Может, копеек двадцать на чай даст».

Он отвёл с тротуара лошадь, привязал

её и направился в типографию. А дружинники только того и ждали. Они отобрали у него шашку, револьвер и сказали:

— Посиди немного, погрейся. Наверно, озяб на посту.

Полицейский так растерялся, что не смог произнести ни одного слова. Он только глядел на дружинников и жевал свои рыжие усы.

Когда листовки были отпечатаны, Фрунзе поблагодарил рабочих и распрощался с ними. Потом вместе с Гусевым зашёл к хозяину типографии.

Дрожащим голосом Лимонов сказал:

— Нельзя ли получить от вас записку?

— А зачем она вам нужна? — спросил Гусев.

— Полиция может подумать, что вы отпечатали листовки с моего согласия. Тогда меня в тюрьму посадят... Не откажите, пожалуйста.

— Как, Арсений? — обратился Гусев к Фрунзе.

— Надо выдать.

Уходя, Михаил Васильевич сказал хозяину типографии:

— Предупреждаем, что по телефону можете звонить не раньше, как через десять минут.

— Слушаюсь...

Лимонов был так напуган, что позвонил в полицию только через пятнадцать минут. Набежало много полицейских, прискакали на лошадях казаки, но никто не знал, где искать смелых большевиков.

Голоса

Сказка

В. МЕДВЕДЕВ

Рис. В. ТАУБЕРА

Это всё маленький Воробьёнок придумал — голосами меняться, он же Мышонка и Комарёнка на это подговорил.

— Сами посудите, что у нас с вами за голоса? — убеждал он их в укромном местечке возле реки. — Маленькие, тихие, что в них толку. То ли дело у Собачонки, или у Котёнка, или у Медвежонка. Вот это голоса!

— Так они с нами и меняться не захотят, — усомнился Комарёнок.

— Захотят. Я уж договорился.

— А хорошо бы мне медвежий голос!— прозвенел Комарёнок. — Я бы как заревел на весь лес!

И Комарёнок показал, как бы он заревел на весь лес. Только у него ничего путного не получилось. Один писк. Голос не тот.

А Мышонок, тот всё молчал. Не верил он, что Воробьёнок договорился с Медвежонком насчёт обмена. А так он был тоже не прочь с Медвежонком голосами поменяться.

В это время на берег реки заявились Собачонка, Медвежонок и Котёнок.

Легки на помине!

Поздоровались и начали меняться.

Воробьёнок взял себе голос Собачонки.

Комарёнок с Медвежонком поменялись.

А Котёнок с Мышонком.

Дело было под вечер. Не успели опробовать голоса, как уже пора по домам.

Разошлись.

Первым добрался до дома Мышонок. Он ближе всех жил. Домик у него был под землёй. Постучался. Слышит мамин голос за дверью:

— Кто там?

— Мяу! Мяу! — отвечает громко Мышонок.

Тихо-тихо за дверью стало.

Мышонок поскрёбся и громче прежнего:

— Мяу-у! Брряц! — что на языке кошек значит: «Откройте, это я!..»

А мать с отцом услышали, что к ним в дом их враг — кошка стучится, как стрельнут через чёрный ход и в лес, к самым дальним родственникам.

Бегут и думают: «Вот до чего кошки обнаглели — в собственном доме покоя не дают!»

Мышонок мяукал-мяукал, стучался-стучался, пока не надоело. Обошёл дом. Видит: дверь с чёрного хода настежь, а дома никого. Отца с матерью и след простыл. «Что такое?» — подумал Мышонок, мяукнул и спать недовольный улёгся. Не удалось перед родителями голосом новым похвастаться.

В это самое время с Котёнком ещё забавней история приключилась.

Подбежал он к дому, позвонил «два длинных, три коротких».

— Это ты, Васька-пострелёнок так поздно? — сердито спросила мама Кошка.

«Сейчас я всех удивлю», — подумал Котёнок и пропищал в ответ мышиным голоском: «Пи-пи-пи-пи!» — что по-мышиному значит: «Я, мамочка!»

«Что за оказия? — удивилась Кошка.— Мышонок в дверь стучится, сам в рот лезет, и охотиться не надо...»

Тут и отец Кот на мышкин голос вышел, и соседи в коридор все повылезли: авось, думают, и нам что-нибудь на ужин достанется.

Замерли все, только когти об пол точат да жадно облизываются.

Сняла старая Кошка цепочку с дверей бесшумно, как это только кошки умеют делать. Приоткрыла дверь да как бросится на Котёнка, а за ней Кот и все соседи.

И задали же они трёпку своему родичу, — шерсть от него так и летела во все стороны, — пока не разобрались, что своего терзают.

— Это ещё что за шутки? — промяукала старая Кошка.

А Васька молчит, боится пищать по-мышиному, как бы опять не набросились. Юркнул в комнату и под диван забился.

Молчал-молчал да проговорился.

Мать с отцом как узнали, что он с Мышонком голосами поменялся, так его за дверь, на улицу.

— Срам-то какой! — крикнула мать на прощанье. — Без своего голоса и домой не возвращайся.

Вышел Котёнок на улицу — темнота кругом, чернота; где Мышонка искать — не знает.

Известно, мыши всегда от кошек скрывают свое местожительство.

Смешнее всего история с Воробьёнком приключилась.

Приобрёл он собачий голос и домой полетел. Летит и лает что есть мочи. Следом Комар тянется — по-медвежьи рявкает. Птицы из гнезда высунулись, смотрят в тёмное небо, удивляются: неужели собаки и медведи по воздуху летать научились?!.

Прилетел Воробьёнок домой, а у отца с матерью гостей полным-полно. Хотел он сказать «добрый вечер» по-воробьиному, а вместо этого получилось: «Гав-гав-гав!» Облаял всех — и отца с матерью не пощадил.

Гости обиделись — кто куда!

А у Комарёнка ещё хуже получилось: у того от медвежьего голоса дом развалился, а мать с отцом в обморок попадали. До сих пор, говорят, в себя не пришли.

А Медвежонка мать с отцом поколотили хорошенько. Он пришёл домой, родители уже спали. Лег он под мамин бочок и пищит по-комариному: «Спокойной ночи». А мать Медведица комаров терпеть не может. Развернулась — хлоп Медвежонка по уху. Запищал Медвежонок пуще прежнего. Стал объяснять, в чём дело. Тут отец спросонок хлоп его по другому уху. Еле Медвежонок ноги унёс.

Одним словом, всем досталось...

Кое-как ночь скоротали, а утром все собрались у реки на том же месте и каждый обратно взял свой голос.

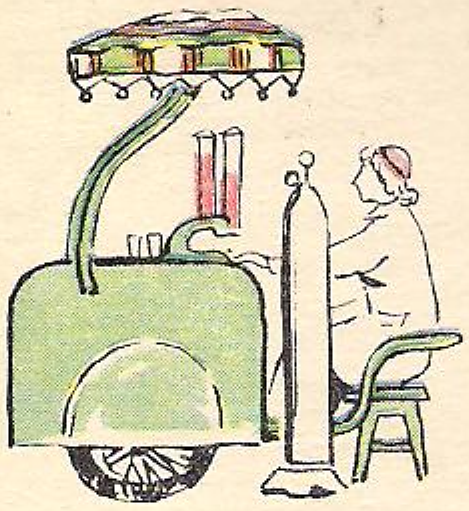
И правильно сделали!

Чужому голосу никогда не завидуй, какой голос у тебя есть, тем и разговаривай!

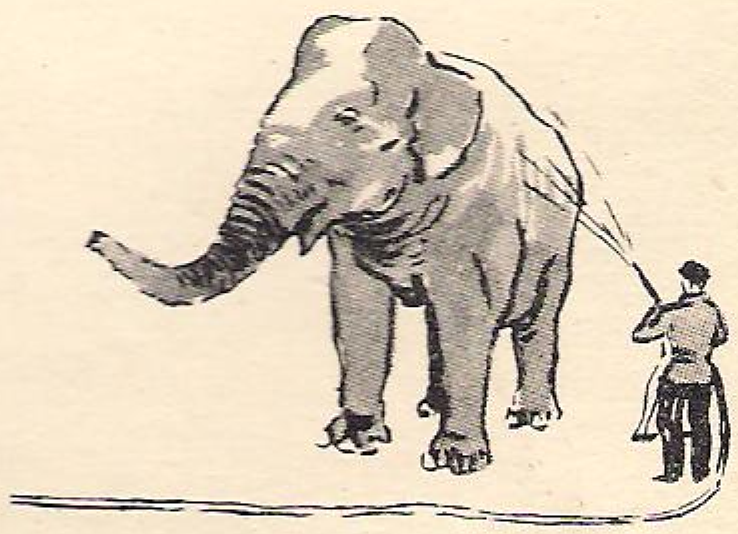
НАША РЕКА

А. КАРДАШОВА

Рис. Н. ВОРОБЬЁВА



Течёт деловито река городская,
В берег гранитный волною плеская.
Часто по ней пробегают морщины.
Эти морщины —
Не без причины.
Эти морщины от всяких забот:
Нужно доставить большой пароход,
Дальние баржи, гружённые лесом,
Речные трамвайчики с белым навесом...
Наша река не болтливый ручей —
Надо умыть, напоить москвичей!
Струйки по трубам в квартиры бегут,
Кран отвернёшь, а вода уже тут!
Варит крупу,
Закипает в супу,
Моет картошку,
Чью-то ладошку...
Сколько колен от земли и песка
За день отмоет наша река!
В автомобилях она разъезжает,
Радужной пылью асфальт освежает,



Брызжет в киосках
На всех перекрёстках.
В парках обмоет листву на берёзках.
А Зоопарк? Зоопарк не забыт.
Слон в Зоопарке напоен, помыт.
В Индии мылся он водами Ганга,
Ну, а в Москве он облился из шланга!

А в хороший день воскресный
На реке от лодок тесно:
Лодочки моторные,
Быстрые, задорные,
Узенькие гички,
Лёгкие как птички!

Прогулочные лодки
Хотя не очень ходки,
А не дают проходу
Большому пароходу!
Лодочки носатые!
Волны полосатые!
Пёстрые флажки
На берегу реки!

Носится лодок весёлая стая,
Блещет на солнце река городская.
Рада труду и веселью она:
— Люди, я ваша до самого дна!

КТО САЖАЕТ ЛЕС

Г. СНЕГИРЁВ

За рекой росли одни ёлки. Но потом среди ёлок появились дубки. Ещё совсем маленькие, всего три листика торчат из земли.

А дубы отсюда далеко растут. Но не могли же с ветром жёлуди прилететь? Очень они тяжёлые. Значит, кто-то их здесь сажает. А кто?

Долго не мог я угадать.

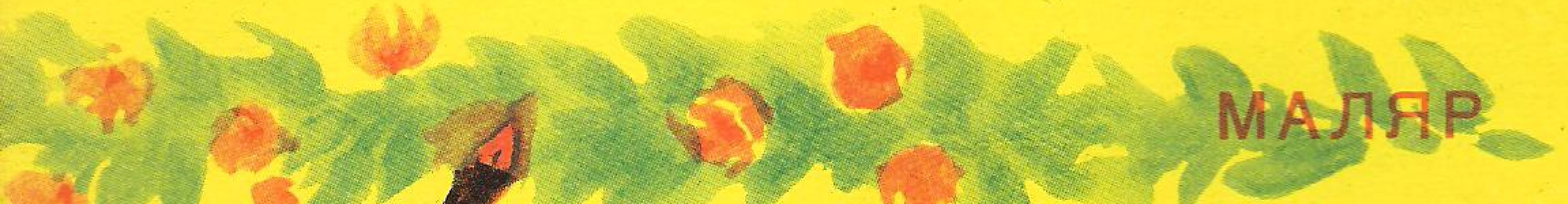
Раз шёл я с охоты, смотрю — мимо меня низко-низко пролетела сойка.

Я спрятался за дерево и стал за ней подглядывать. Сойка что-то спрятала под трухлявый пень и осмотрелась: не увидал ли кто?

И потом полетела к реке. Я подошёл к пню, а между корнями в ямке лежат два жёлудя: сойка спрятала их на зиму.

Так вот откуда молодые дубки появились среди ёлок!

Сойка спрячет жёлудь, а потом забудет, где спрятала, он и прорастёт.



МАЛЯР

В. ТОВАРКОВ
Рис. Т. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Скрипел под валенками
снег,
Злой ветер завывал.
Шёл по дороге человек
И песни напевал.
Вошёл он в наш
высокий дом,
Но не растаял снег
на нём.
Я думал,
что волшебник он
Из новогодней сказки.
Смотрю:
на нём комбинезон
Весь в блёстках
белой краски.
Тогда я вспомнил,
что с утра
В квартире ждали
маляра.
Легко подвинул он
комод,
Снял со стены ковёр.
И вот
На стенах зацвели
цветы
Необычайной красоты!
За окнами трещит
мороз,
А в комнатах —
букеты роз!
Ну и маляр!
Волшебник он,
Хотя на нём
комбинезон.

БОБРЁНОК

Г. СНЕГИРЁВ

Весной снег быстро растаял, вода поднялась и затопила бобровую хатку.

Бобры перетащили бобрят на сухие листья, но вода подобралась ещё выше, и пришлось бобрятам расплываться в разные стороны.

Самый маленький бобрёнок выбился из сил и стал тонуть. Я заметил его и вытащил из воды. Думал, водяная крыса, а потом вижу — хвост лопаточкой, и догадался, что это бобрёнок.

Дома он долго чистился и сушился, потом нашёл веник за печкой, уселся на задние лапы, передними взял прутик от веника и стал его грызть.

После еды бобрёнок во сне сопит. „Вот, — думаю, — какой спокойный зверёк, можно его одного оставить, ничего не случится“.

Запер бобрёнка в избе и пошёл в лес.

Всю ночь я бродил по лесу с ружьём, а утром вернулся домой, открыл дверь, и... что же это такое? Как будто я в столярную мастерскую попал.

По всему полу белые стружки валяются, а у стола ножка тонкая-тонкая — бобрёнок её со всех сторон подгрыз, а сам спрятался за печку.

За ночь вода спала. Посадил я бобрёнка в мешок и поскорее отнёс к реке.

С тех пор как встречу в лесу поваленное бобрами дерево, так сразу подумаю про бобрёнка, который подгрыз мой стол.

Теплица

С. ПАНЬКО

Над полями снег клубится.
Прячется в горах село.
Не страшна зима в теплице —
Здесь уютно и тепло.

Молодцом усы расправил
Лук на грядке под стеклом.
Можно жить зимой на славу,
Греясь угольным теплом.

В золотой кожух одетый,
Улыбается лимон.
— Мне не плохо в доме этом, —
Говорит соседям он.

Снег бушует и клубится
На окраине села.
Не страшна зима в теплице —
Всем хватает здесь тепла.

ИОВАН ИОВАНОВИЧ ЗМАЙ
Рис. Т. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Ленивый Савва

—Не хочу работать! —
Говорит наш Савва.
Лёг лентяй на коврик,
Чтоб всхрапнуть на славу.

А когда проснулся,
То, зевая сладко,
Вспомнил, что во сне он
Полил чьи-то грядки.

И во сне противна
Всякая работа.
От неё лентяю
Снова спать охота.

Говорит:—Устал я,
Поливая гряды.
Я во сне работал,
Отдохнуть мне надо.

Белый

—Ты куда, мой Белый?
Ты идёшь надолго?
—В лес иду я смело,
Напугаю волка.

—Что ж поджал ты,
Белый,
Хвостик втихомолку?
—То другое дело,
Сам боюсь я волка.

Перевела с сербского З. Александрова

МАЛЬЧИШКА НА ЗАБОРЕ

ШУТКА

ОКТАВЬЯН ПАНКУ-ЯШЬ
Рис. ЮРИЕ ДАРИЕ-МАКСИМЧУК

Вокруг одного сада был деревянный забор. Забор, как все заборы.

Шёл мимо мальчик и нарисовал на заборе другого мальчишку.

Нарисовал его так:

Голова—мяч.

Глаза—две маслины.

Нос как фасоль, а рот—не знаю, как что.

Уши, простите, две ручки от сковородки.

Тело—небольшой арбуз или большая слива, как хотите!

Руки и ноги — по две палочки.

Но, главное, мальчик поместил их там, где им полагается быть, и этого, по-моему, достаточно!

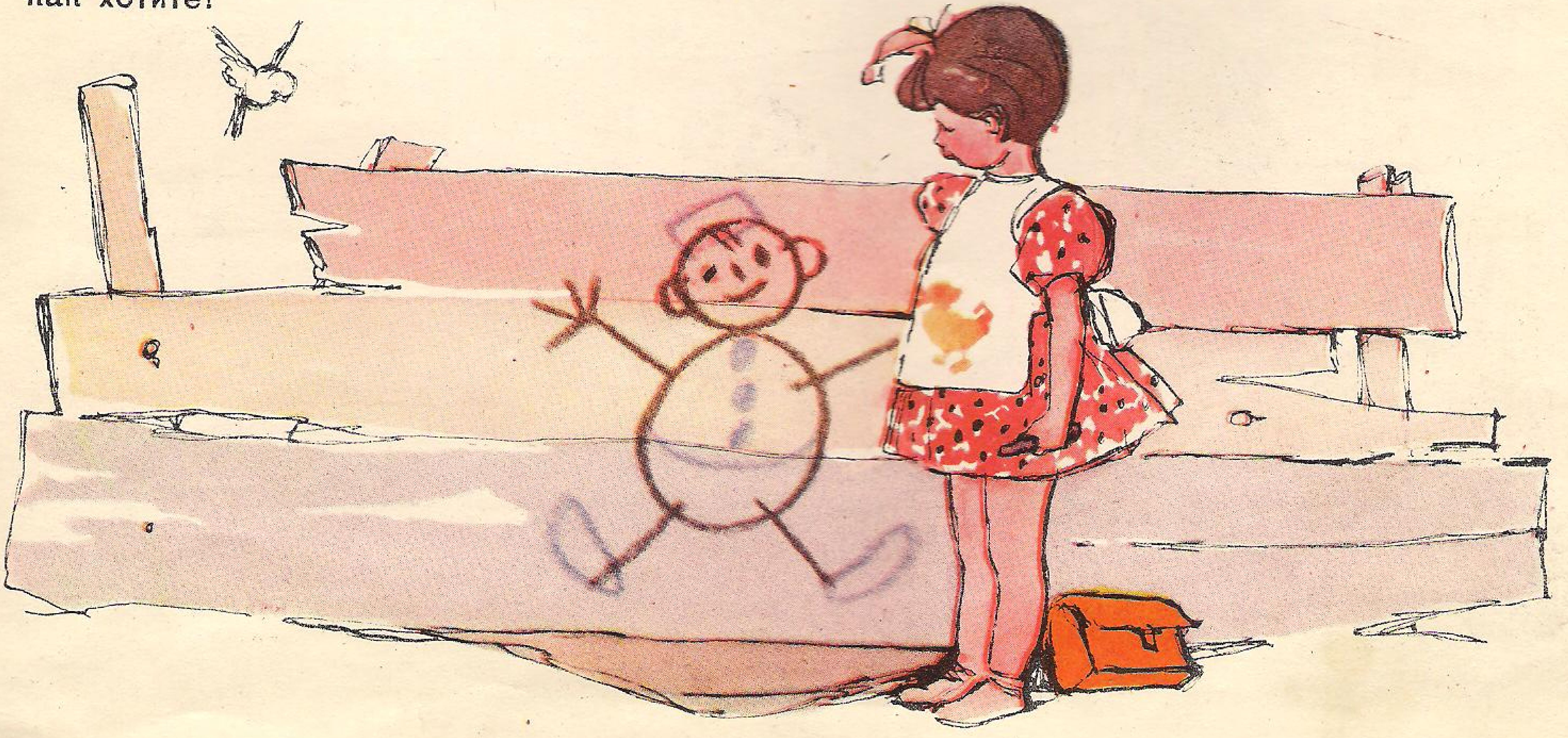
Ушёл мальчик. Куда? Неважно. Может быть, в садик, а может быть, в университет, если у него брат—студент.

Прошла мимо забора девочка. Увидела нарисованного мальчишку и сказала:

— Хорошо! Только он голый... Ну-ка, одену его...

И девочка начала одевать его.

Нарисовала шапочку. Потом курточку и



ЗМЕЙ И ГРАЧ

Вл. ЛИФШИЦ

Очень важный Змей Бумажный,
Хвост мочальный волоча,
Очень важный Змей Бумажный
Встретил чёрного Грача.

И сказал тот Змей кичливо
Неказистому Грачу:
— Ты раскрашен некрасиво,
Я ж раскрашен под парчу!

Я наряден, я громаден,
Ты же мал и непригляден!..
— Это верно, спору нет, —
Скромный Грач сказал в ответ. —

Но судьбой я не обманут,
Уж поверь, дружок, Грачу:
Ты летишь, куда потянут,
Я лечу, куда хочу!..

ГНЁЗДЫШКО

А. ИВАНЧЕНКО

Заглянул как-то Серёжа в сарай. Захотелось узнать ему, что там делают ласточки. Почему они то влетают, то вылетают, над чем целый день хлопочут?

Смотрит, а ласточки в сарае лепят гнездо из глины да соломы.

«Пойду скажу Грише, что у нас поселились ласточки!» — подумал Серёжа и побежал к старшему брату.

— Гришко! А у нас в сарае ласточки делают гнёздышко! — радостно выпалил он.

— Пусть делают, — ответил брат. — Скоро они снесут яички, а потом из яичек вылупятся маленькие птенцы.

Когда гнездо уже было готово, Серёжа опять зашёл в сарай, поставил лестницу и полез к нему. Смотрит, а там лежит одно яичко, такое рябенькое, такое красивое!..

— Ой, какое же хорошее! — воскликнул Серёжа. — Возьму себе, а ласточки для себя ещё одно снесут, — и положил яичко в карман.

После этого Серёжа каждый день заглядывал в сарай, но ласточки почему-то вдруг перестали прилетать.

— Почему они не прилетают и яичек больше не несут? Может быть, их кто-нибудь убил? — спросил Серёжа брата.

— Наверное, кто-то гнездо разрушил. Пойдём посмотрим.

— Нет, гнёздышко цело.

— А кто же взял яичко? — заглянув в гнездо, спросил брат. — Ведь потому они и не прилетают.

Щёки у Серёжи залились густым румянцем.

«Положу яичко назад в гнёздышко», — подумал он, и как только Гриша вышел из сарая, торопливо забрался по лестнице к гнезду. Положил яичко и сел на порог сарая.

Целый день просидел, следил за каждой птичкой во дворе соседей, но ласточки так и не прилетели...

На обложке рисунок В. АНДРИЕВИЧА

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), Ю. КОРИНЕЦ, М. КОРШУНОВ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, Е. РАЧЁВ

Художественный редактор О. Кажкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Г. Морозова*

Год издания тридцать третий **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подписано к печати 31/X 1957 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2142

Адрес редакции и типографии „Красное знамя“ изд-ва „Молодая гвардия“: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

ул. Никитская д. 53 кв 46

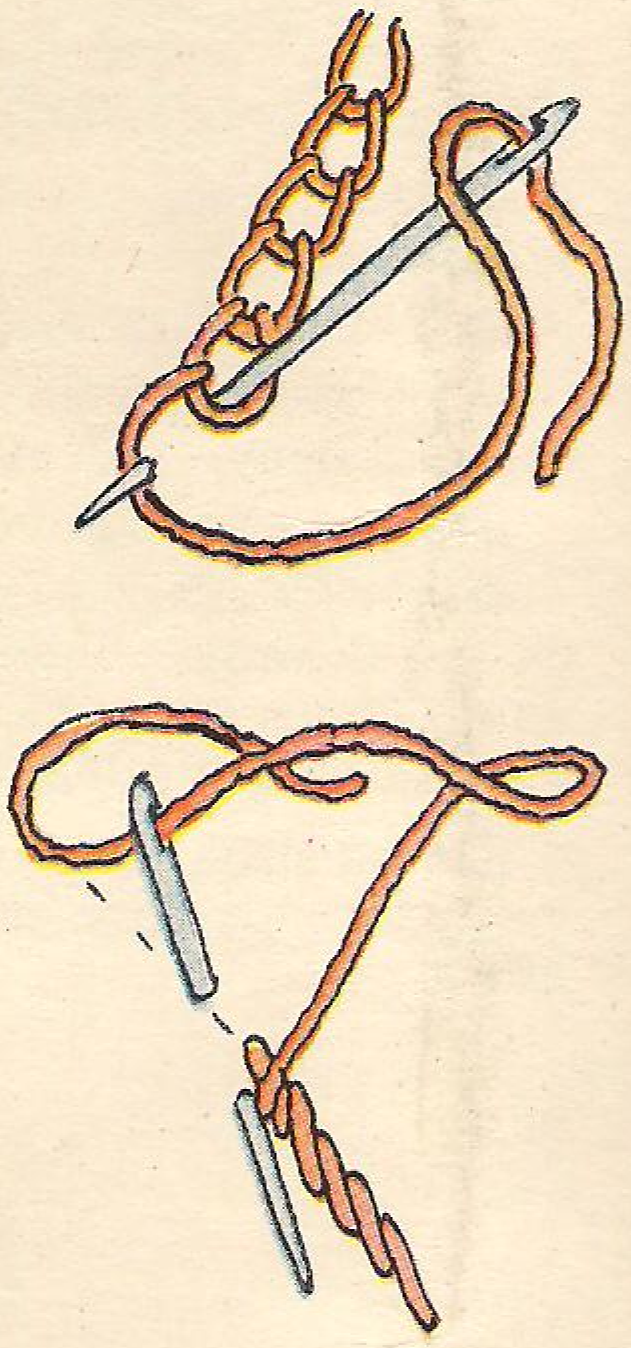
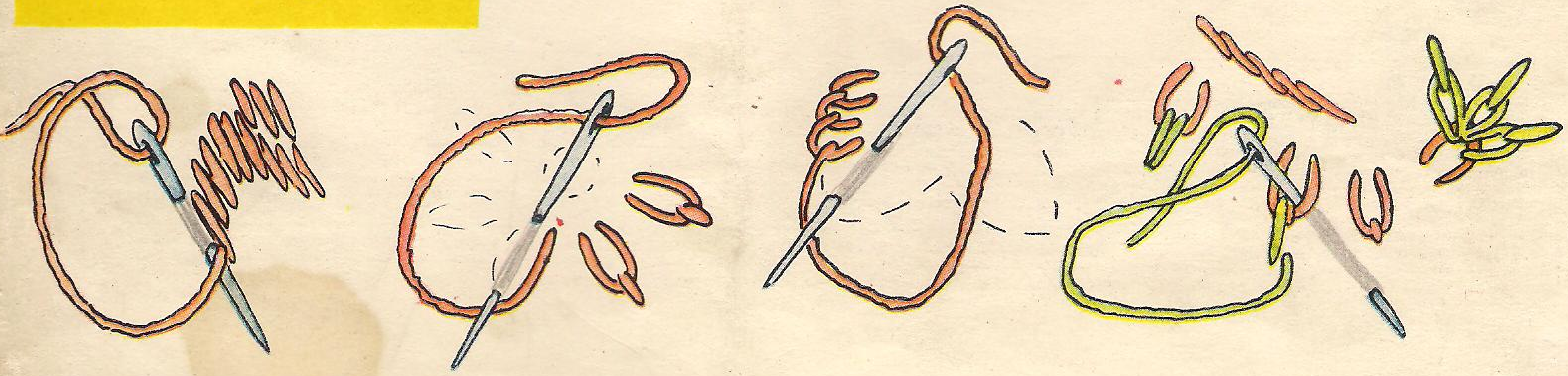



Рис. А. КОРОВИНОЙ